

ИСААК ЭММАНУИЛОВИЧ БАБЕЛЬ
(1894–1940)

Русский писатель родился 1 (13) июля 1894 в Одессе на Молдаванке, **в семье торговца-еврея**. В Автобиографии (1924) Бабель писал: *«По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, Библию, Талмуд. Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе»*.

Программа Одесского **коммерческого училища**, в котором учился будущий писатель, была очень насыщенной. Изучались химия, политэкономия, законоведение, бухгалтерия, товароведение, три иностранных языка и другие предметы.

Говоря об «отдыхе», Бабель имел в виду ощущение свободы: по его воспоминаниям, на переменах или после занятий ученики уходили в порт, в греческие кофейни или на Молдаванку *«пить в погребах дешевое бессарабское вино»*. Все эти впечатления легли позднее в основу ранней прозы Бабеля и его Одесских рассказов.

Писать Бабель начал в пятнадцать лет. В течение двух лет писал по-французски – под влиянием Г.Флобера, Г.Мопассана и своего учителя французского языка Вадона. Стихия французской речи обострила ощущение литературного языка и стиля.

Уже в первых своих рассказах Бабель стремился к стилистическому изяществу и к высшей степени художественной выразительности. *«Я беру пустяк – анекдот, базарный рассказ, и делаю из него вещь, от которой сам не могу оторваться... Над ним будут смеяться вовсе не потому, что он веселый, а потому, что всегда хочется смеяться при человеческой удаче»*, – объяснял он впоследствии свои творческие устремления.

Рано выявилось и **главное свойство его прозы**: соединение разнородных пластов – как языка, так и изображаемого быта. Для его раннего творчества характерен рассказ *В щелочку* (1915), в котором герой за пять рублей покупает у хозяйки квартиры право подсматривать жизнь проституток, снимающих соседнюю комнату.

Окончив **Киевский Коммерческий институт**, в 1915 Бабель приехал в **Петербург**, хотя и не имел права на жительство за чертой оседлости. После того как его первые рассказы (*Старый Шлойме*, 1913, и др.), опубликованные в Одессе и в Киеве, остались незамеченными, молодой писатель уверился в том, что только столица может принести ему известность. Однако редакторы петербургских литературных журналов советовали Бабелю бросить писательство и заняться торговлей. Так продолжалось больше года – до тех пор, **пока он не пришел к Горькому в журнал «Летопись»**, где и **были опубликованы рассказы *Эля Исаакович и Маргарита Прокофьевна и Мама, Римма и Алла*** (1916, № 11). Рассказы вызвали интерес у читающей публики и у судебных органов. Бабеля собирались **привлечь к уголовной ответственности за порнографию**. Февральская революция спасла его от суда, который уже был назначен на март 1917.

Конец 1919 — начало 1920 Бабель проводит в Одессе, где работает заведующим редакционно-издательским отделом Госиздата Украины. Весной 1920 уходит на фронт в Первую конную армию в качестве корреспондента газеты «Красный кавалерист» под псевдонимом Кирилл Васильевич Лютов, русский

Бабель служил в Чрезвычайной Комиссии, в качестве корреспондента газеты «Красный кавалерист» находился в Первой Конной армии, участвовал в продовольственных экспедициях, работал в Наркомпросе, в Одесском губкоме, воевал на румынском, северном, польском фронтах, был репортером тифлиских и петроградских газет.

К художественному творчеству вернулся в 1923: в журнале *«Лев»* (1924, № 4) вышли рассказы *Соль, Письмо, Смерть Долгушова, Король* и др.

Литературный критик А.Воронский писал о них: *«Бабель не на глазах читателя, а где-то в стороне от него уже прошел большой художественный путь учебы и потому покоряет читателя не только «нутром» и необычностью жизненного материала, но и... культурностью, умом и зрелой твердостью таланта...».*

Со временем художественная проза писателя оформилась в циклы, давшие названия **сборникам** *Конармия* (1926), *Еврейские рассказы* (1927) и *Одесские рассказы* (1931).

Пребывание в Первой конной ставило Бабеля в особое положение. Еврей среди казаков, он был обречен на одиночество. Интеллигент, сердце которого содрогалось при виде жестокости и разрушения культуры, он мог быть обречен на одиночество вдвойне. Тем не менее у Бабеля осталось много друзей среди конармейцев. Его ностальгия вырастала из неприятия насилия и разрушения.

Основой для сборника рассказов *Конармия* послужили дневниковые записи. Первая Конная, показанная Бабелем, отличалась от красивой легенды, которую сочинила о буденновцах официальная пропаганда. Неоправданная жестокость, животные инстинкты людей затмевали слабые ростки человечности, которые Бабель поначалу видел в революции и в «очистительной» гражданской войне. Красные командиры не простили ему «очернительства». Началась травля писателя, у истоков которой стоял С.М.Буденный. Горький, защищая Бабеля, писал, что тот показал бойцов Первой Конной «лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев». Буденный же назвал Конармию «сверхнахальной бабелевской клеветой».

Вопреки мнению Буденного творчество Бабеля уже рассматривалось как одно из самых значительных явлений в современной литературе. *«Бабель не был похож ни на кого из современников. Но прошел недолгий срок – современники начинают понемногу походить на Бабеля. Его влияние на литературу становится все более явным»*, – писал в 1927 литературный критик А.Лежнев.

Русская критика упрекала его в *«натурализме и апологии стихийного начала и романтизации бандитизма».*

Конармия

Сборник новелл Исаака Бабеля — как раз такой взгляд изнутри, он написан на основе конармейского дневника писателя. Книга Бабеля интересна прежде всего с точки зрения отражения в ней новой исторической реальности, которая возникла в России после Октября 1917 года. Бабель показывает и нравственные мучения человека, не умеющего убивать, и холодное спокойствие людей, для которых война стала чем-то обыденным, повседневным. Он играет **контрастами**: мирное описание природы сменяется смертью и разрушением, но сменяется так плавно, что грань

стирается, всё становится на один уровень, и от этого слияния мирного и обычного со страшным и неправильным становится жутко.

«Переход через Збруч»

Начало пейзажа мирное, спокойное, идиллическое.

“Поля пурпурного мака цветут вокруг нас, полуденный ветер играет в желтеющей ржи, девственная гречиха встаёт на горизонте, как стена дальнего монастыря”. Но тут же вместе с рекой (“Волянь уходит от нас в жемчужный туман берёзовых роцц”) мир и покой уходят вдаль от людей. Их место занимают совсем другие образы: “Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова... штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу”. **Мир уступает место войне, крови, смерти. Война предстаёт здесь как космическая трагедия, охватывающая всю природу, вся вселенная окрашивается в кровавые цвета войны.** (образ тишины-убийцы)

«Письмо»

Мальчик пишет письмо матери, одинаково спокойно описывая новые города и смерть брата, жалея, что его послали со двора, когда убивали его отца, и он не может всё подробно описать.

«Мой первый гусь»

Восприятие войны. Два типа людей. Первые сметают моральные нормы: если для дела надо убивать, значит, убивать — хорошо и правильно. Другой тип людей — такие, как рассказчик Лютов, не умеющие и не желающие убивать, которым сложно стать своими среди солдат. В рассказе «Мой первый гусь» Лютов, чтобы его приняли казаки, убивает гуся, убивает впервые, неумело. Но и эта смерть, неважная и незаметная на фоне происходящего вокруг, даётся ему нелегко: “Я видел сны и женщины во сне, и только сердце моё, обогрётное убийством, скрипело и текло”.

Его первое убийство – ночью – страшно убивать.

«Соль».

Задаётся вопрос: “В чём своеобразие конфликта в этом рассказе?” Важно показать высокую трагедийность этой незамысловатой истории, развивающейся по тем же законам, что и величайшие трагедии мировой литературы. Уместно вспомнить слова И.С. Тургенева: “Настоящие столкновения — те, в которых обе стороны до известной степени правы”. Правота женщины понятна ребятам, и они безоговорочно становятся на её сторону в возникшем конфликте. Поэтому учителю важно акцентировать правоту другой стороны — солдат, Балмашова. **В рассказе разворачивается драма обманутого доверия.** В душах загрубелых, ожесточённых людей вдруг неожиданно зазвучали иные, давно забытые нотки, они испытали нежность, заботу, бескорыстное желание помочь. Может быть, впервые и единственный раз во всём сборнике на конкретном примере раскрываются те великие и сокровенные цели, ради которых совершается революция, — **забота о человеке, о слабом, о будущем, смене.** Проявляется лучшее, что есть в людях, и оно оказывается обманутым. Это и заставляет Балмашова страдать — “*сидеть без сна и скучать до последнего*”. Потрясённый обманом, Балмашов не может жить: “*Я захотел прыгнуть с вагона и себя кончить или её кончить*”. Убийство женщины в рассказе — не хладнокровная расправа, а единственный возможный для Балмашова способ восстановить, на его взгляд, пошатнувшийся мир. Ведь дело в том, что герой осмысляет

этот мелкий эпизод на фоне жизни всей охваченной войной России (“И увидев эту невинную женщину, и несказанную Расею вокруг неё, и крестьянские поля без колоса, и поруганных девиц, и товарищей, которые много ездят на фронт, но мало возвращаются...”), **он видит здесь стремление уйти, “дезертировать” с того пути, которым идёт вся страна, остаться в стороне от судьбы народа, и это озлобляет его более всего.**

Об апостолах – соль земли – Библия

Роковое зверство – ненависть – уже не знают почему убивают.

Командарм **С.М. Будённый** был так оскорблён дегероизацией своих воинов, что сменил шашку на перо и выступил в несвойственной ему роли литературного критика, обвиняя писателя в клевете и подмене “*картин боевых действий изображением физиологических отправлений*”. **М.Горький** заступился за писателя: на его взгляд, Бабель украсил своих героев “лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев”.

Оценки характеров героев Бабеля проникнуты неприязнью и отвращением: грубая реальность, натуралистичность изображения заслоняют для неискущённых читателей высокие, героические стороны душ героев.

Относительность нравственных понятий на войне, распад норм традиционной морали — в этом самое страшное проклятие войне, которое мы слышим в сборнике рассказов Бабеля «Конармия», что выглядит особенно впечатляющим на фоне общего сочувственного изображения конармейцев. Благодаря этому произведение Бабеля представляется самым объективным, честным и беспристрастным изображением страшной и кровотокающей страницы нашей истории.

Попытки разглядеть в революции страсть и романтику обернулись для писателя душевной тоской. «Почему у меня непроходящая тоска? Потому, что (...) я на большой, непрекращающейся панихиде», – писал он в дневнике.

Своего рода спасением стал для Бабеля фантастический, гиперболизированный мир Одесских рассказов. Действие рассказов этого цикла – *Король, Как это делалось в Одессе, Отец, Любка Казак* – происходит в почти мифологическом городе. Бабелевская Одесса населена персонажами, в которых, по словам писателя, есть «задор, легкость и очаровательное – то грустное, то трогательное – чувство жизни» (Одесса). Реальные одесские уголовники Мишка Япончик, Сонька Золотая Ручка и др. в воображении писателя превратились в художественно достоверные образы Бени Крика, Любки Казака, Фроима Грача. «Короля» одесского преступного мира Беню Крика Бабель изобразил защитником слабых, своеобразным Робинот Гудом. **Стилистика Одесских рассказов отличается лаконичностью, сжатостью языка и в то же время яркой образностью, метафоричностью.** Требовательность Бабеля к себе была необычайна. Один только рассказ Любка Казак имел около тридцати серьёзных редактур, над каждой из которых писатель работал несколько месяцев.

В «Одесских рассказах» Бабель в романтическом ключе рисует жизнь еврейских уголовников начала XX века, находя в обиходе воров, налётчиков, а также мастеровых и мелких торговцев экзотические черты и сильные характеры.

Окраина города превращается в сцену театра, где разыгрываются драмы страсти. Все вынесено на улицу: и свадьбы, и семейные ссоры, и смерти, и похороны. Все

участвуют в действии, смеются, дерутся, едят, готовят, меняются местами. Если это свадьба, то столы поставлены «во всю длину двора», и их так много, что они высовывают свой хвост за ворота на Госпитальную улицу («Король»). Если это похороны, то такие похороны, каких «Одесса еще не видала, а мир не увидит» («Как это делалось в Одессе»). В этом мире «государь император» поставлен ниже уличного «короля» Бени Крика, а официальная жизнь, ее нормы, ее сухие, выморочные законы высмеяны, снижены, уничтожены смехом. Язык героев свободен, он насыщен смыслами, лежащими в подтексте, герои с полуслова, с полунамека понимают друг друга, стиль замешен на русско-еврейском, одесском жаргоне, который еще до Бабеля был введен в литературу в начале 20 в. Вскоре афоризмы Бабеля разошлись на пословицы и поговорки («Беня знает за облаву», «Но зачем же было отнимать наши граммофоны?»).

Конармия страшная, чужая VERSUS Одесские рассказы – иголичные, все свои

В литературном наследии Бабеля насчитывается около **восемьдесят рассказов, две пьесы** – *Закат* (1927, впервые поставлена в 1927 режиссером В.Федоровым на сцене Бакинского рабочего театра) и *Мария* (1935, впервые поставлена в 1994 режиссером М.Левитиным на сцене Московского театра «Эрмитаж»), **пять киносценариев**, среди которых *Блуждающие звезды* (1926, по мотивам одноименного романа Шолом-Алейхема), **публицистика**.

«Очень трудно писать на темы, интересующие меня, очень трудно, если хочешь быть честным», – писал он из Парижа в 1928. Пытаясь обезопасить себя, Бабель написал статью *Ложь, предательство и смердяковщина* (1937), **прославляющую показательные процессы над «врагами народа»**. Вскоре после этого признался в частном письме: *«Очень плохо живется: и душевно, и физически – не с чем показаться к хорошим людям»*. Трагедия героев Одесских рассказов воплотилась в новелле *Фроим Грач* (1933, опубл. в 1963 в США): заглавный персонаж пытается заключить «договор чести» с советской властью и погибает от рук чекистов. В последние годы жизни писатель обратился к теме творчества, которое осмысливал как лучшее, на что способен человек. Об этом написан один из его последних рассказов – притча о волшебной силе искусства *Ди Грассо* (1937).

Бабель был арестован 15 мая 1939 и, обвиненный в «антисоветской заговорщической террористической деятельности», расстрелян 27 января 1940.

Творчество Бабеля оказало **огромное влияние на литераторов так называемой «южнорусской школы»** (Ильф, Петров, Олеша, Катаев, Паустовский, Светлов, Багрицкий) и получило широкое признание в Советском Союзе, его книги переведены на многие иностранные языки